

19. Маритен Ж. Человек и государство: Пер. с англ. — М.: Идея-Пресс, 2000. — 196 с.
20. Добрянський С. П. Основні наукові напрямки інтерпретації співвідношення загального і особливого у природних правах людини // Права людини: соціально-антропологічний вимір: Монографія / Редкол.: П. М. Рабінович (голов. ред.) та ін. — Л., 2006.
21. Гусейнов А. А. Об идее абсолютной морали // Вопросы философии. — 2003. — № 3. — С. 3–12.
22. Макінтайр Е. Після щепоти: Дослідження з теорії моралі. — К.: Дух і літера, 2002. — 436 с.

УДК 164.031/032

Л. Н. Сумарокова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ АРГУМЕНТАЦИИ

Актуальность обсуждения данной темы связана с непрояснёностью, а иногда и с противоречивостью понимания статуса современной теории аргументации, её соотношения с логикой, в частности. Многие авторы признают в учении об аргументации наличие двух частей: логической в виде теории доказательства и риторической как учения об искусстве убеждать. К базовым категориям в первой части относят «истинность», «правильность», «логическое следование», а во второй — «эффективность», «приемлемость». Понятие ценности подключается к той или иной трактовке эффективности или приемлемости. Для логической части нормой считается ценностно-нейтральный дискурс. При этом все исследователи считают аргументацию рациональной речевой процедурой. И в логической, и в риторической частях теории аргументации большое значение придаётся обязательности принятия и выполнения правил, регулирующих форму представления исходной информации, процесс ведения аргументации, форму обоснования решения. Но эти правила разные в логической и риторической частях. Логические правила считаются необходимыми, но не достаточными в любой конкретной аргументации. Скажем, юристы издавна подчёркивают, что логические эталоны доказательства, выполняемые в математике, не годятся для судебной аргументации, а некоторые вообще не видят в правовой аргументации никакого места логической определённости и последовательности [1, 114]. С другой стороны, сегодня общим эталонным требованием к аргументации стало требование, заимствованное как раз из судебной практики, а не из логики. Речь идет о диалогичности судебной аргументации, об учете разного распределения бремени доказывания между сторонами [1, 45].

Сегодня, на наш взгляд, такие характеристики аргументации, как диалогичность, альтернативность, формализованность, системность, можно считать универсальными и учитывать во всей теории аргументации, а не только в каких-то ее видах или частях. Что касается аксиологической составляющей, то её наличие также является универсальной чертой аргументации, как и перечисленные выше; это, с нашей точки зрения, — довод против разграничения и автономизации логической и риторической «частей» внутри современной теории аргументации. Поскольку существуют разные виды ценностей, то возможны и разные

формы их «присутствия» в аргументации; с другой стороны, — сама аргументация тоже не однородна; поэтому на вопрос, предполагаемый заглавием статьи, не может быть единственного и однозначного ответа: аксиологические компоненты могут выполнять разные функции и на разных уровнях аргументации. Наша цель — показать это в дальнейшем изложении.

О видах ценностей. Сколько-нибудь полный анализ и даже перечисление классификаций ценностей, отражающих разные понимания их сути, их структуры, не входят в нашу задачу. Постараемся обратить внимание лишь на некоторые существенные для нашей темы аспекты. Ценность всегда существует в отношении между субъектом (личностью, обществом, социальной группой) и чем-то, вне этого субъекта существующим: это «что-то» может быть предметом, свойством предмета или отношением. В соответствии с этим ценность понимается либо как *значимость* перечисленных вещей, свойств и отношений для субъекта (*предметная ценность*), либо как *значимость* для субъекта *норм, правил*, регулирующих поведение субъекта (*предписывающе-оценочная ценность*, которую относят к *субъектным ценностям*) [2, 462].

Предметные ценности в их широком понимании связываются обычно с отношениями обмена, а субъектные — с отношениями сотрудничества. Достаточно общее понятие значимости (*valeur*) получило определенную интерпретацию в лингвистике. Ф. де Соссюр отмечает, что «для установления значимостей необходим коллектив; отдельный человек сам по себе не способен создать вообще ни одной значимости» [3, 146–147]; этот автор считает серьезным заблуждением выделять сначала значимости отдельных вещей: начинать надо всегда с совокупного целого, с системы. Это тем более верно, поскольку существует «парадоксальность», с которой сталкивается анализ любой значимости и которая состоит в том, что отношения в целом иные, чем в самой значимой вещи. За пределами языка всякая значимость называется ценностью, по мнению Ф. де Соссюра. Этот известный лингвист выделяет два условия, при которых мы можем установить ценность вещи: 1) наличие какой-либо *непохожей* вещи, которую можно обменивать на то, ценность чего подлежит определению; 2) наличие каких-то *сходных* вещей, которые можно сравнивать с тем, о ценности чего идет речь [3, 148]. Это классическое понимание ценности перекликается с пониманием стоимости в экономических теориях; это не случайно, так как здесь присутствует общая основа — отношения обмена (обмен информацией в речевом общении, обмен денег и товаров в экономике, возмещение ущерба, обмен в имущественных отношениях и т.п.).

Известный французский философ Жан Бодрийяр, признавая предметные ценности, вместе с тем критикует современную философию за сведение всей проблемы ценностей лишь «к потребительской и меновой стоимости, этих оснований производства и рынка» [4, 14]. Он, вслед за антропологами, обращает внимание на другие, например, «нравственные и эстетические формы ценностей, функционирующие в рамках жёсткой оппозиции добра и зла, прекрасного и безобразного» [4, 15]; Бодрийяр выделяет и иные формы ценностей, существующие вне отношений обмена, вне принципов контракта. Для этого вида

ценностей основой являются отношения «двойственности и причастности», когда в коммуникации человек оказывается только в поле ценностей смысла: «в то время как рыночная ценность обладает достаточной определенностью, ценность-знак крайне неустойчива и почти неуловима» [4, 16]. Далее Ж. Бодрийяр противопоставляет сферам рынка, нравственности и смыслов ещё одну сферу — «область имморальности, область игрового процесса, где значимы лишь событие игры как таковое и согласие партнеров относительно её правил ... сближающий фактор правила отнюдь не то же самое, что объединяющая сила всеобщего эквивалента: включаясь в игру, партнеры оказываются полностью поглощенными её стихией, в результате чего между ними возникает связь, характеризующаяся гораздо большим драматизмом, чем в случае рыночного обмена» [4, 16]. При обмене все люди равны и даже обезличены, взаимозаменяемы, а в игре — каждый уникален, как считает философ.

Понятие «правила игры» становится центральной категорией в коммуникативной философии. Объединяющим элементом жизненного мира коммуникации считаются здесь именно принятые всеми правила участия в аргументативном дискурсе (Ю. Хабермас). «Правила игры», по терминологии О. Дробницкого, следует отнести к субъектным ценностям; без них невозможны те виды коммуникации, главной целью которых является не столько обмен информацией, сколько разрешение конфликтов, нахождение консенсуса. Значимость «правил игры» в профессии юриста давно осознаётся как её специфическое отличие. Право понимается как «автономная техническая наука»; именно «через инструментальность судов» реализуется публичная власть [1, 43, 44], именно благодаря прозрачности правил, возникших в практике судебного рассмотрения, во многом возможны предсказуемость и справедливость решений суда, которые обуславливают определённую степень доверия к суду и юристам в обществе.

О различных уровнях аргументации. В аргументации можно выделить, по меньшей мере, три уровня. Условно обозначим их как уровень посылок, уровень предпосылок и уровень глубинного базиса аргументации. Если взять судебную аргументацию, то к уровню посылок следует отнести всю информацию, которая *явно* представлена и *явно* используется в судебном рассмотрении: тезисы сторон, аргументы сторон, фактические данные, другая информация, касающаяся обстоятельств и особенностей дела; нормы права, на которые ссылаются участники процесса, и т.д. К уровню предпосылок принадлежат все нормы, правила, которые фактически используются участниками процесса, но при этом в явном виде могут и не формулироваться — в силу того, что хорошо известны. Они чётко называются только в том случае, если возникают затруднения в их применении. Для судебного диспута это могут быть процессуальные нормы; кроме того, существуют общие нормы социо-культурного плана — языковые, этические, эстетические нормы, обычаи, традиции и т.п.

Глубинный базис аргументации включает в себя фундаментальные принципы мировоззренческого уровня, семантические универсалии культуры, ядерные смыслы (категории) данной специальной области знания, принятую иерархию (шкалу) ценностей, типичные установки для ситуаций жизненного выбора и т.п.

*Как соотносятся с уровнями аргументации разные виды ценностей? На уровне посылок эксплицитно фигурируют предметные ценности — материальные и духовные, — которые могут быть непосредственным предметом рассмотрения в дискурсе. На уровне предпосылок преимущественно функционируют субъектные ценности, правила, нормы человеческих отношений, эталонные (закрепленные законом, традицией) формы поведения. В судебной аргументации жёсткость правовых норм, регламентирующих в деталях технологию судебного диалога, обеспечивает беспристрастность и всесторонность рассмотрения. В этом их социальная значимость, связанная с обеспечением справедливости. Сама категория справедливости относится к третьему уровню правовой аргументации. Элементы глубинного базиса аргументации, как правило, явно не формулируются, не уточняются, не обосновываются. Они являются имплицитной частью аргументации, играющей роль её основания. На языке теории систем можно было бы назвать глубинный базис *концептом* системы аргументации в целом [5, 126].*

Чем отличаются принципы, входящие в базис — концепт системы, — от правил, отнесенных к уровню предпосылок — уровню структуры системы? Прежде всего, они различаются местом в иерархической системе аргументации и, как следствие этого, различием весомости: «решению трудных дел чаще способствуют принципы, чем правила» [6, 133]. Поль Рикёр считает, что правила характеризуются однозначностью, а принципы неоднозначны, но зато обладают большей герменевтической ценностью. Принципы, в отличие от правил, идентифицируются не по *pedigree* (кто принял? обычай? власть? прецеденты?), но по свойственной им нормативной силе. Этому не мешает то обстоятельство, что базисные категории и принципы функционируют имплицитно, каждый раз интерпретируются заново, их влияние на выбор решения — «склоняющее», «взвешивающее», но не «вынуждающее» [6, 134]. Иными словами, ни сами принципы не выводятся дедуктивно, ни принимаемые решения не следуют из принципов с однозначной необходимостью. Это не означает обесценивания логики; это лишь означает, что логика здесь нужна иная, вероятностная, которая исследовала бы возможности выбора вариантов структуры системы, наиболее релевантных фиксированному концепту. И, быть может, профессиональная интуиция судьи, основанная на огромных традициях и опыте, идет здесь впереди развития соответствующих разделов логики. Чувство «уместности», согласованности между «внутренним оправданием» решения, которое касается логической связности посылок, предпосылок, базиса и принятого заключения, и «внешним оправданием», предполагающим интерпретацию аргументации в более широком контексте универсальной прагматики коммуникации, — именно это внутреннее чувство юриста часто выполняет роль индикатора надежности и, значит, ценности проведённой работы. Никакого отступления от логики здесь нет по той простой причине, что логика задаёт стандарты, достаточные лишь для формирования контуров рациональности, которые необходимы для творческого мышления любого профессионала. Здесь можно согласиться с П. Рикёром, который в своей книге, посвященной категории справедливости, пишет:

«Если юридическая аргументация не имела бы в качестве горизонта общий нормативный дискурс, нацеленный на правильность, то идея рациональной аргументации не могла бы наделяться ни малейшим смыслом. Если же к теории нормативной дискуссии все-таки следует добавить новые правила, то эти правила должны сочетаться с правилами формальными, нисколько не ослабляя эти последние» [6, 140].

Почему логика до сих пор мало исследовала аксиологический аспект аргументации? Во-первых, потому, что он в живых дискурсах задан имплицитно, и во-вторых, потому, что его экспликация затруднена вследствие недостаточного внимания логики к построению прагматики используемых ею языков; логика ограничивалась лишь уровнем семантики и синтаксиса.

В качестве завершения данного текста об аксиологическом измерении аргументации хотелось бы обратиться к вопросу об общечеловеческих ценностях. Поскольку, как было сказано выше, даже базисные принципы, категории, ценности аргументации имплицитны и не всегда могут быть сформулированы отчетливо, а в каждой новой ситуации интерпретируются заново, казалось бы, вопрос о каких-то неизменных универсальных ценностях вообще отпадает.

Действительно, пока главными вопросами человеческой жизни являются вопросы не столько производства, сколько распределения предметных ценностей, по большей части материальных, а главной формой пассивного протеста против этого является уход в какую-либо «игру», которая полностью поглощает человека, делает его рабом принятых правил, обесценивает все ценности и лишает смысла всё, что остаётся за пределами этой игры — «чистой растраты» жизненных сил, «потлача», по Бодрийяру, — до тех пор возможна мода на отрицание общечеловеческих ценностей. Но общечеловеческие ценности напомнят о себе, как только на первое место в отношениях людей выйдет вопрос совместного выживания — и в экологическом, и в экономическом, и в политическом, и в моральном, и в эстетическом, и в физическом смысле. Только тогда приоритетность фундаментальных ценностей будет осознана в любой аргументации.

Вряд ли стоит сводить общечеловеческие ценности к правилам идеальной коммуникации, как это делает Ю. Хабермас; они должны быть дополнены ядерными смыслами культур. Среди предметных ценностей в аргументативных дискурсах достойное место должны занять духовные, связанные с производством самого человека, а среди субъектных — экспрессивный момент, выражающий переживание целостности мира, а также универсальные императивы поведения, охраняющие и регулирующие отношение коэволюции двух субъектов — человека и природы, и, тем самым, делающие возможной коммуникацию современного человечества с его будущими поколениями. Актуальность таких субъектных ценностей, к сожалению, — пока больше предмет теоретических дискурсов, чем основание для практических действий [7; 8].

Литература

1. Титов В. Д. Юридическая логика в США. — Х.: Ксилон, 2007. — 250 с.
2. Дробницкий О. Ценность // *Философская энциклопедия*. — М., 1970. — Т. 5. — С. 462-463.

3. Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — 696 с.
4. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 200 с.
5. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. — М.: Мысль, 1978. — 272 с.
6. Рикёр П. Справедливое. — М.: Гнозис; Логос, 2005. — 304 с.
7. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. — М.: Весь мир, 2002. — 144 с.
8. Хёффе О. Справедливость. — М.: Праксис, 2007. — 192 с.

УДК 165:316.752

Н. А. Полевой

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Задачей статьи является изложение нескольких гипотез относительно участия аксиологической составляющей в изменении парадигмы научного познания и формировании новой парадигмы.

Известно, что современное общество вошло в период кризиса парадигмы научного познания. Например, в исторической науке такое положение привело к широчайшему распространению конкретно-исторических работ, не ставящих задач достижения неких обобщений вне изучаемых, как правило, достаточно узких тем. Теоретизирования же относительно проблем исторического развития, проблем возможных законов и закономерностей исторического развития, направления и общего характера этого процесса в настоящее время либо переносятся в ведение раздела философии — философии истории (и там решаются в духе «любомудрия»), либо приравниваются сторонниками постмодернизма к поискам одной из множественных истин (не имеющих возможности, по определению, претендовать на некоторое приближение к поиску законов или закономерностей исторического развития, как являющихся всего лишь результатом взаимодействия конкретного исследователя с некоторым текстом) [1]. В то же время накопленный в историографии материал свидетельствует об очевидности существования в различные исторические эпохи определенных парадигм исторического познания и понимания истории в целом, доминировавших в исторической науке соответствующих эпох. Очевидны также факты смены со временем одних историографических парадигм другими [2].

Как известно, создатель теории научных революций Т. Кун настаивал на том, что смена научных парадигм является практически непредсказуемым процессом. Это утверждение, впрочем, не мешало ему находить некоторые закономерности приближения научных революций (рост сознания научного сообщества) и процесса «послереволюционного» развития науки (отказ от многого из багажа науки, руководствовавшейся старой парадигмой) [3].

Мы исходим из предположения о том, что развитие теоретической составляющей историографии, как, впрочем, и развитие человеческого познания в це-